

Что до истинных причин, Шэнь Чи пока не пришел к точным выводам, но сейчас он мог утверждать одно: из-за того, что Шэнь Ухок уничтожил реликвию его матери, если только не возникнет причин, перед которыми он не сможет устоять, в этой жизни им с Шэнь Ухоком было суждено стоять по разные стороны баррикад.

Даже если нельзя убить, он не желал иметь с ним ни малейшей связи.

[Спрашиваю хозяина, нуждается ли вы в помощи?]

Вынырнув из потока мыслей, Шэнь Чи ответил: [Не нужно, этот вопрос кое-кто разрешит сам.]

Система, казалось, слегка засомневалась: [Почему?]

Услышав этот вопрос, Шэнь Чи на мгновение замолк и только потом ответил: [Мудрецы говорят: благородный муж дорожит речью, а павлин — своими перьями.]

[Хозяин абсолютно прав.]

Разговор Шэнь Чи с системой занял всего несколько мгновений — как раз столько времени потребовалось, чтобы занять место в строю будущих адептов. Завидев приближающегося Шэнь Чи, остальные ученики шарахнулись в стороны, словно от чумы. Зато Чу Сылинь поспешил к нему, протягивая руку, чтобы похлопать Шэнь Чи по плечу, но замахнулся впустую. Опустив руку, он невозмутимо улыбнулся:

— Поздравляю, поздравляю! Я так и знал, что ты обязательно пройдешь! Тот человек наверняка просто завидует тебе, раз такое сказал, не принимай это близко к сердцу.

Увернувшись от руки Чу Сылиня, Шэнь Чи кивнул, слегка приподняв уголки губ:

— Спасибо.

Глядя на едва заметную улыбку Шэнь Чи, наполовину скрытую под капюшоном, Чу Сылинь на секунду растерялся, а затем произнес:

— Н-не за что.

Когда Шэнь Чи отвел взгляд, Чу Сылинь протянул руку и похлопал себя по разгоряченным щекам, лишь спустя какое-то время наконец обретя прежнее спокойствие.

Разговор был окончен. Не став расспрашивать собеседника о том, почему тот был рассеян, Шэнь Чи снова слегка опустил голову и погрузился в медитацию, всем видом показывая, будто

окружающие голоса обвиняют вовсе не его.

Как раз в тот момент, когда пересуды начали разгораться с новой силой и толпа отвергнутых попыталась прорваться вперед, чтобы устроить расправу, на зачинщиков внезапно обрушилась тяжелая аура подавления, и на площадке мгновенно воцарилась тишина.

В то же время Юнь Юй посмотрел на тощего юношу, который заварил всю эту кашу:

— Это ты первый выдвинул возражения.

Поймав на себе взгляд Юнь Юй, высокий и худой парень на мгновение замялся, но тут же громко заявил:

— Я!

— Причина?

— Я не согласен! Только что во время ответа я от начала до конца не видел, чтобы он брал в руки кисть! С какой стати он прошел?

— О? Тогда поднимайся сюда.

Юнь Юй поманил юношу рукой, подзывая на помост, а затем обвел взглядом остальных:

— У кого еще есть возражения — поднимайтесь все вместе.

Не прошло и мгновения, как на помосте оказалось около двух-трех десятков человек. Большинство из них составляли те самые отвергнутые испытуемые, и лишь один-двое были будущими адептами.

— Вот по этой причине вы и не прошли, — Юнь Юй указал на большой лазоревый камень. — Внимательно посмотрите на этот иероглиф и скажите мне, что вы видите? Поскольку ты первым выдвинул возражения, начинай ты.

Тощий юноша, к которому обратился Юнь Юй, сперва бросил свирепый взгляд на стоявшего внизу Шэнь Чи, а затем сделал шаг вперед, уставившись на иероглиф меч.

Сначала, издалека, этот знак казался ему невероятно величественным и мощным, но стоило подойти ближе, как ощущения полностью изменились. Стоило лишь взглянуть на иероглиф, как в груди словно вырастала гора, давившая так сильно, что перехватывало дыхание. Ему хотелось броситься бежать, но ноги не слушались, и он мог лишь стоять на месте с

раскрасневшимся от напряжения лицом, пока Юнь Юй снова не велел ему отойти назад, и лишь тогда он наконец смог вздохнуть полной грудью.

— Мы проверяем способность к постижению, — произнес Юнь Юй, когда все закончили осмотр. — До этого вы находились на некотором расстоянии от камня, поэтому большинство ваших ответов оказались слишком расплывчатыми. Мы отобрали лишь восемьдесят лучших кандидатов.

Хотя в глубине души юноша понимал, что его ответ явно не годился, он все еще не желал сдаваться и указал пальцем вниз:

— А как же он? Я стоял прямо за ним во время ответа и от начала и до конца не видел, чтобы он хоть что-то написал!

Его палец указывал точно на Шэнь Чи.

Громкий вопрос тощего юноши разнесся над толпой, и в тот же миг сотни взглядов сосредоточились на Шэнь Чи. В этих глазах читалось самое разное: подозрение, злорадство, равнодушие... Особенно когда выяснилось, что Шэнь Чи оказался намного ниже ростом всех присутствующих и, пожалуй, выглядел даже младше восьми лет, люди в душе опустили его в своих глазах еще ниже.

Лишь Чу Сылинь по-прежнему стоял рядом с Шэнь Чи. Его лицо покраснело от гнева, кулаки были крепко сжаты — казалось, будто презируют не кого-нибудь, а его самого.

[Спрашиваю хозяина, неужели вам действительно не нужна помощь системы?] — встревоженно произнесла система.

[Не нужно.]

Шэнь Чи снова ответил отказом и протянул руку, чтобы прихватить за рукав Чу Сылиня, который явно собирался ринуться вперед и начать разбираться, тем самым пресекая его дальнейшие действия. Затем он медленно поднял взгляд на помост.

В этот момент Юнь Юй приподнял руку, призывая к тишине и прерывая новые вопросы юноши, рвавшегося с языком наперевес. На его лице не было ни малейшего следа смущения или гнева от прозвучавших сомнений — он лишь тепло и искренне улыбнулся:

— Судя по твоим словам, это Секта Оселка вынесла несправедливое решение на испытании при отборе учеников?

Секта Оселка всегда пользовалась непререкаемым авторитетом в мире даосизма. Услышав такой вопрос Юнь Юй, парень явно засомневался, но в конце концов все же дал

утвердительный ответ:

— Именно так!

Он ни за что не поверил бы, что такой малыш справился с заданием, с которым не смог справиться он сам, причем в ситуации, когда никто из них даже не притронулся к кисти. Подумав об этом, он еще больше утвердился в своем выводе, даже решив, что Юнь Юй просто пытался запугать его ранее.

— К тому же, когда проверяли кости, вы до этого беседовали с ним! У меня есть все основания подозревать, что вы были знакомы и раньше!

Эти слова юноши упали в только что успокоившуюся воду подобно огромному валуну, подняв еще большую бурю. Люди то и дело переводили взгляд с Шэнь Чи на Юнь Юй, мысленно оценивая, была ли эта проверка такой же честной, как в прошлые годы.

Заметив, что толпа, похоже, поверила его словам, тощий юноша самодовольно скривил губы в усмешке и бросил на Шэнь Чи злорадный взгляд.

— Весьма разумно, — Юнь Юй по-прежнему улыбался, и в его глазах не было ни тени раздражения.

Он не спеша скатал бамбуковый свиток, который только что лежал на столе, и повернулся к юноше, ожидающему продолжения спора.

— Свитки с ответами на церемонии отбора учеников Секты Оселка всегда заносятся в общие архивы этого адепта, и по правилам их никому не показывают.

Тощий юноша, еще секунду назад полный уверенности, под слегка насмешливым взглядом Юнь Юй невольно сглотнул слюну и поддался назад, сделав полшага отступления.

Совершенно не обращая внимания на эту мелочь, Юнь Юй откашлялся и продолжил:

— Раз уж ты заговорил о том, соблюдает ли Секта Оселка справедливость, я, как ученик секты, разумеется, не могу оставаться в стороне.

С этими словами Юнь Юй легко взмахнул рукой, и рядом с ним материализовалась стопка исписанных свитков — судя по всему, тех самых ответов, что были собраны у участников всего мгновение назад.

Увидев это движение, те ученики Секты Оселка, которым уже довелось ознакомиться с данными ответами, невольно вздрогнули.

— Старший брат!

— Старший брат...

Не успели они договорить, как Юнь Юй поднял руку, останавливая их дальнейшие слова.

Тот самый ученик, что первым заметил ответ Шэнь Чи, с беспокойством посмотрел на тощего паренька:

— Но...

— Не переживай, младший брат, я знаю, что делаю.

— Слушаюсь, старший брат.

Он испугался!

Тощий юноша, внимательно следивший за реакцией окружающих, внутренне ликовал — его уверенность в том, что Шэнь Чи ничего не писал, стала еще крепче.

С того самого момента, как Юнь Юй объявил о превосходных духовных корнях Шэнь Чи, парень обратил на него пристальное внимание. Обладая водными и древесными духовными корнями, с самого детства он воспитывался в клане как гений, но недавняя проверка показала лишь второсортный потенциал. Ладно еще тот мальчик постарше обладал первосортными способностями, но этот малец, такой крошечный, и вдруг — высший сорт... С какой стати?!

И пусть бы с этим, но во время теста на постижение он стоял прямо за спиной Шэнь Чи. Время от времени поднимая глаза, он так и не увидел, чтобы тот притронулся к кисти. Раз уж тот все равно прошел, значит, проверяющий попросту сжульничал!

При этой мысли на лице тощего юноши проступило еще больше самодовольства.

Придерживая стопку свитков одной рукой, Юнь Юй обратился к парню:

— Ты хочешь ознакомиться с его ответом?

— Да.

— Ты подтверждаешь свои слова?

Настойчивые расспросы Юнь Юй лишь укрепили юношу в мысли, что они замели следы и испугались. Без малейших колебаний он выпалил:

— Подтверждаю!

— Хорошо.

Почудилось ли это, но после утвердительного ответа юноши улыбка на лице Юнь Юй стала чуть шире. Он протянул свободную руку и поманил кого-то вниз:

— Шэнь Чи, поднимись наверх, пожалуйста.

Услышав этот призыв, Шэнь Чи не выказал ни капли страха.

Судя по слухам, личным наблюдениям и даже описаниям из сюжета, этот старший брат Секты Оселка был невероятно справедливым человеком. Раз уж он собрался показать чужой ответ посторонним, то непременно должен был спросить на то согласие владельца.

Под всеобщими взглядами Шэнь Чи невозмутимо поправил рукава своего плаща и зашагал к помосту, но, сделав два шага, внезапно остановился.

Когда Шэнь Чи двинулся вперед, Чу Сылинь по привычке последовал за ним. Явно не ожидая, что тот встанет как вкопанный, он попытался резко затормозить, но потерял равновесие, завалился назад и с громким стуком шмякнулся оземь, растянувшись во весь рост.

Поэтому, когда Шэнь Чи обернулся, перед его глазами предстал Чу Сылинь, раскинувшийся на земле звездой и кривившийся от боли. Помолчав пару секунд, он осведомился:

— Ты цел?

Чу Сылинь давным-давно сгорал от любопытства, как же выглядит та большая часть лица Шэнь Чи, что была скрыта под капюшоном, но из уважения ни разу не задавал подобных вопросов. Сейчас же, из-за падения оказавшись гораздо ниже Шэнь Чи, он снизу вверх прекрасно рассмотрел его черты.

Он и представить себе не мог, что этот маленький спаситель окажется настолько... красивым.

Чу Сылинь сглотнул слюну, его взгляд остекленел, и он даже забыл ответить на вопрос.

— Что, испугался до такой степени, что даже на помост подняться кишка тонка?

Заметив, что Шэнь Чи не спешит подниматься, тощий юноша язвительно захихикал:

— Тц-тц, глянь на своего поделника. Наверное, ты такой урод, что до смерти перепугал товарища — видишь, он даже встать не в силах.

Парень покачал головой, размахивая руками, и презрение в его тоне было более чем очевидным.

— Сам ты урод!

Не стерпев такого оскорбления, Чу Сылинь больше не мог лежать. Он мгновенно вскочил, заслонил собой Шэнь Чи и во все горло завопил на обидчика:

— Я живу на этом свете уже десяток с лишним лет, но еще никогда не видел столь гнусного создания, как ты!

Юноша, привыкший лишь к лести и похвалам, вмиг позеленел от злости и взвизгнул еще громче:

— Ты...!

— Тишина!

Юнь Юй с суровым лицом стукнул по столу. Костяшки пальцев звонко ударились о дерево, и этот резкий звук отозвался в головах присутствующих тяжелым ударом колокола.

Парень, собиравшийся выдать новую тираду, захлебнулся собственными словами и покраснел так сильно, будто собрался испустить дух.

Миновав ряды зевак, Шэнь Чи спокойной походкой поднялся по ступеням, очутился в самом эпицентре этого фарса и посмотрел на Юнь Юй.

Строгость на лице Юнь Юй тут же сменилась улыбкой, и он поприветствовал мальчика:

— Этот испытуемый зовется...

— Гуан Чэнъинь, — перебил его юноша, недовольный тем, что тот якобы не помнит его имени.

Назвав себя, он помрачнел, сообразив, что старший брат Секты Оселка попросту презирает его — иначе с чего бы ему притворяться, будто он забыл его имя?

Юнь Юй же, казалось, ничуть не смутился. Улыбнувшись парню, он продолжил обращаться к Шэнь Чи:

— Верно, Гуан Чэнъинь. Он сомневается, что ты вообще давал ответ, и хочет взглянуть на твой свиток. Каково твое мнение на этот счет?

Шэнь Чи еще раз внимательно присмотрелся к фальшиво-доброжелательной улыбке Юнь Юй, перевел взгляд на тощего юношу по имени Гуан Чэнъинь и кивнул:

— Можно.

— Помнишь ли ты те ощущения, которые вызвал у тебя иероглиф «меч»? — получив согласие, Юнь Юй не стал сразу доставать нужный свиток и задал встречный вопрос.

Стоило прозвучать этому вопросу, как лица стоявших на помосте юношей, что вблизи рассматривали тот знак, заметно посветлели. Особенно Гуан Чэнъинь — его передернуло, будто он снова погрузился в тот жуткий кошмар, однако ответил он быстро:

— Помню.

— Вот и отлично, — многозначительно произнес Юнь Юй и вытянул из стопки один из листов.

С тех пор как Шэнь Чи написал те два иероглифа, он вел себя так, будто происходящее его совершенно не касается. Скрестив руки на груди, он небрежно стоял в стороне, и, услышав уверенный ответ Гуан Чэнъиня, в глубине его глаз мелькнуло понимание.

Похоже, этот старший брат все-таки отличается от ходивших о нем слухов — по крайней мере, он далеко не так добр, как принято считать.

Хотя Гуан Чэнъинь жаждал поскорее подтвердить собственную правоту, перед тем как взглянуть на содержимое листа в руках Юнь Юй, он всё же бросил на Шэнь Чи взгляд. Обнаружив, что внимание того вовсе не приковано к нему, он скривился еще сильнее, холодно фыркнул и под всеобщими взглядами шагнул к Юнь Юй, уставившись на лежавший перед тем лист бумаги — это был тот самый свиток, который Шэнь Чи сдал ранее.

Остальные зрители, что столпились вокруг и ждали разоблачения, чтобы посмеяться над Шэнь Чи, напряглись до предела. Они не сводили глаз с Гуан Чэнъиня, затаив дыхание и ожидая его реакции.

Стоявшие на помосте зеваки находились совсем близко. И хотя из-за выбранного Юнь Юй ракурса им не было видно, что именно начертано на листе, они отчетливо заметили, как выражение лица Гуан Чэнъиня с презрительного и надменного сменилось на крайнюю степень высокомерия, а насмешливая ухмылка на его губах стала еще шире. Однако уже через

мгновение он замер. Его глаза расширились от ужаса, зрачки сузились, лицо побледнело, а на лбу выступил густой пот — казалось, он пережил сильнейшее потрясение.

И тем не менее, несмотря на это, он не сдвинулся с места ни на дюйм, продолжая безучастно вглядываться в бумагу.

Прошла одна стража времени, вторая, прошла целая чашка чая, а Гуан Чэнъинь всё так же стоял перед листом, не совершая никаких движений.

Время шло секунда за секундой, и люди внизу, не имевшие возможности разглядеть происходящее на помосте, принялись громко переговариваться. Кое-кто даже заподозрил, что Юнь Юй применил какую-то тайную технику и обездвижил юношу.

Те адепты Секты Оселка, что уже видели злополучный иероглиф, молча бросили на Гуан Чэнъиня полные жалости взгляды, а затем с невысказанным вопросом покосились на старшего брата, чье лицо оставалось все таким же безмятежным и доброжелательным, но в итоге предпочли промолчать.

Гуан Чэнъинь вовсе не хотел продолжать пялиться на бумагу, но он просто не мог — да и не смел — оторвать от нее взгляд.

В представлении Гуан Чэнъиня сданный Шэнь Чи листок был пустой бумажкой. Ну хорошо, пусть он ошибся и это не чистый лист — чего путного мог написать такой сопляк? Именно поэтому он изначально подходил к этому вопросу с презрением и насмешкой.

И действительно, всё оказалось ровно так, как он и предполагал: на листе, не считая единственного иероглифа «Дао», не было вообще ничего.

«Дао»? Да какой из искателей бессмертия не знает, что совершенствование — это и есть постижение Дао! Ха-ха, надо же додуматься написать на испытании столь бессмысленный знак! И хотя он признавал, что иероглиф выведен на редкость искусно и величественно, пройти испытание только благодаря этому знаку — верх нелепости.

Однако насмешка застряла у него в горле, не успев сорваться с губ.

Стоило ему взглянуть на иероглиф во второй раз, как перед его глазами вдруг пролегла извилистая, бесконечная тропа. С величайшим трудом преодолев очередной поворот, он внезапно уперся взглядом в уходящую в небеса гору. Эта громадина безостановочно надвигалась на него, пока наконец не рухнула всей своей тяжестью.

Он оказался столь ничтожен, словно букашка, раздавленная подножием исполинской горы, у которой не оставалось ни единого шанса на спасение.

Когда Гуан Чэнъинь уже решил, что его вот-вот расплющит в лепёшку, гора неожиданно исчезла. Лишившись сил, он рухнул прямо на задницу и лишь тогда осознал, что в этот зимний день его многослойные одежды насквозь пропитались холодным потом.

Юнь Юй забрал свиток обратно и с улыбкой поинтересовался:

— Остались ли вопросы?

Сидя на полу и тяжело отдуваясь, Гуан Чэнъинь не сразу нашелся с ответом, но Юнь Юй ничуть не спешил и терпеливо ждал.

— ...Я признаю свое поражение, — спустя долгое время вымолвил Гуан Чэнъинь.

Он медленно поднял голову и посмотрел в сторону Шэнь Чи. В его глазах все еще таился не до конца рассеявшийся ужас вперемешку с облегчением выжившего, но презрения больше не было. Сделав глубокий вдохом, он хриплым до неузнаваемости голосом произнес:

— Я хочу знать... что означает этот иероглиф? И... как тебе вообще это удалось?

Поскольку всеобщее внимание до сих пор было приковано к Гуан Чэнъиню и лежавшему перед ним листу, никто не заметил, как с началом проверки Шэнь Чи отступил на пару шагов назад и прислонился к столу, за которым ученики Секты Оселка проверяли работы, всем видом демонстрируя крайнюю сонливость.

Воочию убедившись в перемене отношения упрямого и надменного юнца, зрители, снедаемые любопытством, жадно ловили каждое слово Гуан Чэнъиня, наострив уши в ожидании ответа Шэнь Чи.

— Только что старший брат спрашивал тебя, помнишь ли ты ощущения от иероглифа «меч», и ты ответил «да».

Это были первые слова, сказанные Шэнь Чи в адрес юноши с самого начала его дебоша. Голос мальчика все еще не лишен был детских ноток, но звучал исключительно звонко.

Гуан Чэнъинь замер. Сопоставив ощущения от того меча со своими впечатлениями от иероглифа «Дао», он вмиг всё понял, и в глазах, устремленных на Шэнь Чи, промелькнул новый приступ страха.

Судя по тому, что он испытал на себе, иероглиф «Дао», написанный Шэнь Чи, и выставочный знак «меч» хоть и различались начертанием и смыслом, но несли в себе нечто поразительно схожее. Более того, если судить исключительно по его ощущениям, знак Шэнь Чи давил на него куда сильнее.

По крайней мере, после того знака меча он все же смог устоять на ногах. Сейчас же он по-прежнему сидел на земле с подкосившимися ногами, а в душе все еще давил этот тяжелый отпечаток «Дао».

Слушая их диалог, зеваки в толпе хоть до конца и не уловили суть, но прекрасно поняли: Шэнь Чи вовсе не оставил работу пустой, как предполагал Гуан Чэнъинь. Напротив, он не только ответил, но его ответ оказался потрясающе сильным.

Иначе с чего бы тощему пареньку так резко перемениться в лице?

Будучи выходцем из влиятельного клана, Гуан Чэнъинь не отличался мягким нравом — напротив, его можно было назвать упрямым и заносчивым до потери рассудка. Происхождение давало ему все основания для такой спеси, однако на этой церемонии отбора он терпел поражение за поражением, и его привычная гордость подверглась невиданному доселе испытанию.

— Могу я узнать, как ты выглядишь? — помолчав добрую половину дня, хрипло спросил потерпевший крах юноша. Его тон был на редкость деревянным, а в голосе пробивался холодок.

Поскольку он все это время смотрел в пол, никто не заметил, что в его глазах больше не осталось прежней спеси. Только он сам знал, что им двигало лишь простое любопытство — ему до жути хотелось узнать, как же выглядит тот, кто разбил его в пух и прах.

Шэнь Чи, все это время наблюдавший за Гуан Чэнъинем и ожидавший продолжения скандала или даже того, что тот полезет в драку, слегка растерялся от столь неожиданного вопроса.

Стоило Гуан Чэнъиню произнести это вслух, как все те, кто до сих пор следил за противостоянием, мгновенно переключили свое внимание на внешность Шэнь Чи.

Только сейчас до них дошло, что этот ребенок с самого начала так и не показал своего лица.

Кто-то из отвергнутых испытуемых, почуяв по поведению Гуан Чэнъиня, что Шэнь Чи стопроцентно прошел испытание, завистливо протянул:

— Наверное, рожей не вышел, вот и прячется, боится людям показаться.

— А по мне так иначе, — подал голос другой зритель. — Кто знает, может, он слишком хорош собой и боится лишних хлопот.

— На улице такой мороз, а по мне, так он просто мерзляк, раз закутался с ног до головы...

— Xa-xa-xa...

<http://bllate.org/book/19444/1906340>